

ОТЗЫВ

официального оппонента
о диссертации Украинчик Алевтины Владимировны «Исполнитель преступления», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»

Учение об исполнителе преступления, благодаря и одновременно вопреки своему фундаментальному характеру, продолжает стремительно развиваться, заставляя исследователей все чаще посвящать свои труды вопросам единоличного и совместного совершения преступления. Образовав сердцевину института соучастия, положения об исполнителе преступления напрямую влияют на разрешение наиболее сложных и интересных проблем современного уголовного права: соотношение понятий субъекта преступления и лица, участвующего в совершении преступления; возможность соисполнительства и «сложного» соучастия в неосторожном преступлении; перспективы признания юридического лица и, что более актуально, искусственного интеллекта субъектом преступления; допустимые пределы миграции положений о неоконченном преступлении и о соучастии в Особенную часть уголовного закона.

Необходимо признать, что учение об исполнителе, как и сама его роль в преступлении сегодня в значительной мере видоизменены. Уже не во всех случаях можно говорить об исполнителе преступления как о главном виновнике, категорично выражаясь языком дореволюционных юристов. Связано это, прежде всего, с облечением «второстепенных» соучастников в исполнителей посредством нарастающей практики внедрения соучастия *sui generis*. Объективную оценку такой трансформации может дать лишь история, задача же ученого сообщества видится в своевременном снабжении правоприменителя научными рекомендациями, а также в предостережении законодателя от поспешных инерционных решений, стирающих классические границы между

видами соучастников. Поэтому подготовка диссертации, в которой плодотворно исследуется исполнитель преступления, является весьма *значимым, полезным и актуальным* событием в науке уголовного права.

Нельзя сказать, что избранная соискателем проблематика была обделена вниманием специалистов в области уголовного права. В отечественной уголовно-правовой библиографии имеется множество работ, посвященных как исполнителю преступления в целом, так и различным формам совершения исполнительских действий. Вместе с тем приходится констатировать, что многие важнейшие проблемы, связанные с противодействием соучастию в преступлении и действиям исполнителя, в частности, не получили научно обоснованного решения. На теоретическом уровне не в полной мере решены вопросы об оправданности поглощения ролью исполнителя функций организатора, подстрекателя и пособника при квалификации преступлений, о возможной дифференциации соучастников в зависимости от уровня их вовлеченности в преступление, о влиянии различных проявлений эксцесса на квалификацию действий иных соучастников. С учетом отмеченных обстоятельств *уровень научной разработанности* рассматриваемых в диссертации проблем нельзя признать достаточным.

Научная новизна диссертации не вызывает никаких сомнений и определяется кругом рассмотренных проблем, а также содержанием предложенных автором подходов к их решению. Исследование, казалось бы, лишь одного из видов соучастия в преступлении автор базирует на изучении и преломлении к рассматриваемой проблематике таких концептуальных вопросов как формы преступного деяния, причинная связь в преступлении, правовая природа соучастия, стадии совершения преступления, основание уголовной ответственности, общие правила квалификации преступлений.

Безусловным достоинством рецензируемого труда следует признать органичное совмещение соискателем начал акцессорной теории соучастия и теории самостоятельной ответственности соучастников. Основываясь на детальном анализе положений российского уголовного закона и накопленных к сегодняшнему дню достижений предшествующих исследователей, автор посвящает данному вопросу самостоятельный параграф, в котором проводит

систематизацию существующих ограничений принципа акцессорности, в том числе определяет значение для оценки действий соучастников оправдательного приговора в отношении исполнителя, наличия у него специальных признаков, характеризующих вину и личность (с. 78-113). В концентрированном виде выводы о значении поведения исполнителя для обоснования и ограничения акцессорных начал в концепции соучастия получили отражение в положении 4, выносимом на защиту.

В качестве положительного следует отметить и то, что в уголовно-правовом исследовании получили отражение сопутствующие процессу квалификации уголовно-процессуальные вопросы, связанные с объемом и пределами обвинения исполнителя. Так, обосновывая необходимость исчерпывающего перечисления ссылок на части статьи 33 УК РФ, соответствующие функциональным ролям, при квалификации действий исполнителя, который выполняет в преступлении также функции организатора, подстрекателя или пособника, диссертант предусмотрительно исходит из обеспечения потенциально возможной переквалификации в суде содеянного с исполнительства на иные виды действий соучастника (положение 3, выносимое на защиту). «Такой подход обеспечит гарантии соблюдения права обвиняемого знать, в чем он обвиняется, и права на защиту в ситуациях судебной переквалификации преступления в сторону уменьшения объема обвинения» (с. 71-78 диссертации).

Всяческого одобрения заслуживает предложение автора об отказе от практики квалификации действий всех соучастников организованных преступных групп как исполнительских и в обязательном определении их функциональной роли при совершении преступления (положение 2, выносимое на защиту, с. 39, 40 диссертации). Ценность данного положения не ограничивается интересами индивидуализации наказаний и видится также в достижении точности и полноты юридической квалификации содеянного. Дело в том, что правоприменительная практика сегодня все чаще исходит из неоправданно расширительного толкования критикуемого правила, признавая исполнителями преступления тех лиц, которые осуществляют действия, не свойственные ни одному из соучастников преступления (к примеру, сбыт предметов

контрабанды) и в действительности не являются участниками организованной группы. Безусловно, необходимость определения функциональной роли соучастника при совершении преступления, на которой настаивает соискатель, минимизирует подобные квалификационные ошибки.

Несомненной заслугой А.В. Украинчик является глубокий ретроспективный и компаративистский анализ научных воззрений на институт соучастия: в работе повсеместно встречаются отсылки к зарубежному опыту правового регулирования (уголовные кодексы Австрии, Голландии, Дании, Испании, КНР, Пенсильвании, Республики Сан-Марино, ФРГ, Швейцарии, Швеции, Эстонии и др.); результаты исторического анализа весьма плодотворно используются диссертантом для обоснования многих современных тенденций развития института. К примеру, такие актуальные вопросы как квалификация действий лиц, обеспечивающих тайность при совершении изъятия имущества, либо квалификация действий лиц, которые обездвигивают жертву в ситуации нанесения ей смертельных ударов, автор успешно объясняет в том числе с позиций объективной теории исполнительства, широко распространенной и активно критиковавшейся еще в позапрошлом веке; квалификация действия посредника в сбыте наркотических средств в качестве пособнических – с позиции субъективной теории исполнительства (с. 22-26).

Помимо исследования традиционных вопросов исполнения преступления в работе самым тщательным образом изучены и, по нашему мнению, удачно решены многие частные вопросы, порожденные современной практикой борьбы с преступностью:

– выявлено противоречие в существующей практике обоснования ответственности отдельных лиц как исполнителей преступления, вызванное применением различных доктринальных концепций исполнителя в зависимости от формы соучастия. Рассматривая вопрос обоснованности правила о признании организаторов организованных групп исполнителями преступления соискатель, посредством аккумуляции зарубежного опыта, приходит, на наш взгляд, к значимому и актуальному для развития современного уголовного права выводу о том, что наше законодательство (в отличие, например, от немецкого) обособило фигуру организатора и определило круг

выполняемых им действий, следовательно, в российской практике отсутствует потребность в специальном обосновании ответственности организатора через использование конструкции исполнителя преступления (с. 40);

– с учетом анализа правоприменительной практики и доктринальных положений доказано, что принцип акцессорности ответственности присущ всем проявлениям соучастия по российскому праву, включая соисполнительство (с. 78-103);

– сформулированы имеющие высокую прикладную ценность правила квалификации действий соучастников при наступлении неосторожных последствий от умышленных действий исполнителя. Так, если в соучастии с распределением ролей от действий исполнителя наступают неосторожные последствия, они не могут быть вменены иным соучастникам; если в результате совместных действий соисполнителей наступают неосторожные последствия, они вменяются каждому из них (с. 110-113);

– посредством критической оценки аргументов иных авторов в совокупности с анализом позиций высшей судебной инстанции проведено разграничение соисполнительства и параллельного исполнительства, сформулированы правила квалификации преступлений, в случаях, когда отсутствует совместность и субъективная связь между исполнителями, когда соисполнительство выражается в присоединяющейся деятельности;

– обстоятельно рассмотрен и отрицательно разрешен извечный (все чаще возникающий в правоприменительной практике) вопрос о достаточности односторонней субъективной связи между исполнителем и иными соучастниками для констатации соучастия (с. 126, 127);

– унифицированы рекомендации по квалификации выполнения объективной стороны преступления со специальным субъектом лицами, не обладающими специальными признаками. Следует поддержать категоричность вывода соискателя о том, что неспециальный субъект, даже выполняя объективную сторону преступления со специальным субъектом не может признаваться его исполнителем или соисполнителем, но только пособником (с. 142, 143).

– приведена исчерпывающая классификация видов соисполнительства:

непосредственное и опосредованное; без распределения ролей и с техническим распределением ролей; личное выполнение деяния или его части и участие в исполнении деяния на месте и во время его совершения; оцененное в качестве квалифицирующего признака состава преступления и не образующее такового; с предварительным сговором и без такового (с. 178);

– оценены положения российского уголовного законодательства о посредственном причинении вреда. Соискатель пришел к обоснованному выводу о необходимости признания посредственными исполнителями лиц, которые используют в целях совершения преступлений фактических исполнителей в ситуации мнимой обороны, при ошибке в объекте, при неосторожном исполнении преступления, что не должно исключать ответственность последних (с. 202-205).

Разработку этих и обоснование многих других содержащихся в диссертации теоретических выводов и практических предложений можно оценить как личный вклад диссертанта в дальнейшее развитие концептуальных основ учения о соучастии и об исполнителе преступления, в частности. Помимо этого, результаты исследования подчеркивают научную зрелость А.В. Украинчик и оригинальность ее научных суждений, в полной мере проявленных в ходе рассмотрения сложных методологических проблем, в том числе и полемика характера.

Содержащиеся в диссертации теоретические конструкции и законопроектные новации являются следствием примененных диссертантом разнообразных методов и приемов ведения научного поиска, использования широкого круга нормативных и научных источников. Автор формулирует свои выводы и предложения, опираясь на глубокое познание социальных предпосылок установления ответственности за соучастие в преступлении, осмысление доктринальных концепций отечественных ученых в области общей теории права, уголовного права и криминологии.

Теоретические положения, выводы и предложения прикладного характера, сформулированные в результате проведенного диссертационного исследования, представляются обоснованными и достоверными, опирающимися на солидную методологическую, методическую и нормативную базу, а

также эмпирическую основу исследования (в частности, на постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу о конституционности отдельных положений УК РФ и УПК РФ, устанавливающих правила об ответственности за отдельные виды преступлений и соучастия в них; на Постановление Европейского суда по правам человека от 25.03.1999 по делу Пелиссье (Pelissier) и Сасси (Sassi) против Франции; на данные, полученные при изучении судебной статистики, аккумулированные Судебным Департаментом при Верховном Суде РФ за период с 2010 по 2019 годы, и отражающие динамику судимости за преступления, совершенные в группе лиц; на итоги анализа постановлений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам, относящимся к теме исследования; на материалы обобщения опубликованной судебной практики Верховного Суда РФ с 2000 по 2019 годы; на данные, полученные при изучении материалов 227 уголовных дел и приговоров, вынесенных в отношении 358 исполнителей, совершивших преступление в соучастии с иными лицами, в период с 2005 по 2019 годы; на результаты экспертного опроса 126 практикующих специалистов, в их числе 35 судей, 27 работников аппарата судов, 33 прокурора, поддерживающих обвинение в судах, и 31 следователь Следственного комитета РФ).

Соискателю удается доступным и лаконичным языком рассуждать о сложных теоретических конструкциях, к примеру, исследуя обстоятельства, в силу которых фактический исполнитель не подлежит уголовной ответственности, автор заключает: «Отсутствие ответственности должно восприниматься не как результат работы правоохранительной системы или действия правовых ограничений (например, в случаях оправдания исполнителя, наличия у него иммунитета от уголовного преследования, декриминализации совершенного им правонарушения); оно в нашем случае продиктовано отсутствием основания и условий для привлечения фактического исполнителя к уголовной ответственности» (С. 188).

Структура работы, включающая две главы и шесть параграфов, в полной мере подчинена цели и задачам исследования, а потому представляется логичной, последовательной и завершенной. Основные выводы, предложения и рекомендации диссертационного исследования были представлены автором

в 13 публикациях, среди которых 5 научных статей в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Автореферат и опубликованные по теме диссертации работы отражают ее основное содержание. Однако, как и всякая творческая работа, диссертация А.В. Украинчик не лишена отдельных спорных либо требующих дополнительной аргументации положений.

1. Анализируя содержание функциональной роли исполнителя и отграничивая его от пособника, автор настаивает на необходимости включения в содержание объективной стороны преступления не только действий, прямо описанных в статье Особенной части УК РФ, но и иных деяний, непосредственно направленных на совершение преступления (положение 2, выносимое на защиту). Не оспаривая потенциальную возможность применения предложенного критерия для целей отграничения исполнительских действий от действий пособника, полагаем, что столь широкий подход к пониманию содержания объективной стороны, включающей не только действия, описанные в статье Особенной части УК РФ, но и «иные» деяния, непосредственно направленные на совершение преступления, влечет за собой весьма существенный риск, связанные с определением стадии совершения преступления.

Диспозиция статьи Особенной части уголовного закона классически воспринимается в качестве формализованной объективной стороны деяния, позволяющей провести грань между приготовлением к преступлению, то есть созданием условий для совершения преступлений, и покушением на него, то есть действиями, непосредственно направленными на совершение преступления (с чем соглашается и сам диссертант на с. 124, 125). В случае же отступления от этого правила возникает соблазн расширительного толкования «действий, непосредственно направленных на совершение преступления», и, как следствие, уголовно-правовой оценки фактически подготовительных действий в качестве покушения на преступление или оконченного преступления.

Показательным примером в этом отношении может служить весьма

дискуссионное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, содержащееся в пункте 13.2 постановления от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», в соответствии с которым «Если лицо в целях осуществления умысла на незаконный сбыт наркотических средств... незаконно приобретает, хранит, перевозит, изготавливает, перерабатывает эти средства... тем самым совершает действия, направленные на их последующую реализацию и составляющие часть объективной стороны сбыта, однако по не зависящим от него обстоятельствам не передает указанные средства... приобретателю, то такое лицо несет уголовную ответственность за покушение на незаконный сбыт этих средств...». Другой пример, отнесение в пункте 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.11.2010 № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)» к объективной стороне преступления, предусмотренного статьей 256 УК РФ, действий, непосредственно направленных на незаконную добычу водных биологических ресурсов, включая «непосредственную подготовку к применению для вылова рыбы... взрывчатых или химических веществ, электротока».

2. Несомненной научной новизной обладают выводы соискателя, представленные в положении 5, выносимом на защиту. Рассмотрение явления непосредственного совершения преступления через призму двух самостоятельных признаков «личного выполнения» и «деяния, образующего элемент объективной стороны» обобщает и систематизирует характеристики основного вида исполнительских действий: самостоятельности, соответствия исполнителя признакам субъекта преступления, двусторонней субъективной связи и т.д. При этом автор допускает возможность признания исполнителем преступления лица, осуществляющего интеллектуальное руководство исполнением преступления, тем самым расширяя функциональную роль исполнителя, что также заслуживает положительной оценки.

Вместе с тем дополнительного осмысления, на наш взгляд, требует

утверждение о невозможности констатации соучастия на этапе приготовления к преступлению. В более развернутой форме диссертант указывает это на с. 125, 126 диссертации: «начальной точкой исполнительских действий, которые собственно и порождают соучастие в преступление в силу требований акцессорности, следует признать начало покушения на преступление, то есть совершение действий (бездействия), непосредственно направленного на осуществление деяния, составляющего элемент объективной стороны». Как видно, основными аргументами выдвинутого тезиса выступают постулаты акцессорной теории соучастия и возможность появления «непосредственного исполнения» (и фигуры исполнителя, соответственно) исключительно со стадии покушения на преступление, что вполне логично, поскольку до этого момента объективная сторона преступления не выполняется. Не вдаваясь в рассуждения об обладании приготовления к преступлению собственной объективной стороной (тем более, что соискатель исчерпывающим образом осветил эту позицию на страницах диссертации), позволим себе по дискутировать с автором по следующим вопросам.

Представляется, что соучастие может иметь место на стадии приготовления, невзирая на отсутствие формальной фигуры исполнителя, как, впрочем, и иных «сложных» соучастников. Приготовление к преступлению суть преступление в том смысле, который придан этому понятию частью 1 статьи 14 УК РФ. Бесспорно и то, что в приготовлении могут принимать умышленное совместное участие несколько лиц, как это регламентировано в статье 32 УК РФ. Почему же тогда факт существования соучастия на этапе приготовления ставится в зависимость от выделения функциональных ролей, в частности исполнителя преступления? Возможно, о соучастии на этой стадии следует говорить в отрыве от конкретных видов соучастников (допуская, соответственно, существование самостоятельного «начального» вида соучастия). Практический смысл этого подхода видится, как минимум, в необходимости индивидуализации наказания соучаствующих лиц в соответствии с частью 1 статьи 67 УК РФ.

Высказанные замечания и пожелания не снижают общей положительной оценки диссертации А.В. Украинчик, представляющей собой завершен-

ную научно-квалификационную работу монографического характера, в которой содержится решение задачи, имеющей важное значение для дальнейшего развития науки уголовного права и практики борьбы с совершением преступлений единолично и в соучастии.

Диссертация на тему: «Исполнитель преступления» соответствует требованиям, установленным п. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а ее автор – Украинчик Алевтина Владимировна – заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 – «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право».

Официальный оппонент:

кандидат юридических наук (специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право),
доцент кафедры уголовного права
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

30 апреля 2021 г.

Денис Анатольевич Мелешко

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
125993, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9
msal@msal.ru
www.msal.ru
+ 7 499 244-88-88
e-mail: dmeleshko91@mail.ru

ПОДПИСЬ

ЗАВЕРЯЮ

Начальник отдела

Управления кадров Д.Е. Красильников

30.04.2021 г.

